

УДК 94

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕИ ПРАВА НА СОПРОТИВЛЕНИЕ УГНЕТЕНИЮ И ТИРАНИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ

Приходько А.В., Шляхов М.Ю.

*Нижегородский Государственный педагогический университет им. К. Минина, Нижний Новгород,
e-mail: mik-shlyakhov@yandex.ru, r-tempri@mail.ru*

Проанализированы точки зрения французских просветителей XVIII в. на идею сопротивления угнетению и тирании. Показывается, что одна из важнейших идей эпохи – это идея о том, что власть монарха не может быть безграничной. «Истинный» монарх, по мнению просветителей, должен уважать основные (естественные) и гражданские (позитивные) законы своей страны, права своих подданных, а также их собственность. Это отличает «истинного» монарха от деспота и тирана, которые попирают всё это. Просветители считали, что подданные имеют право восставать против деспотов и тиранов. В этом вопросе они основывались на теории общественного договора. Если правитель-монарх попирает общественный договор (угнетает подданных, нарушает их права и не уважает их право собственности), то народ имеет право восстать против него. Однако мысль просветителей была противоречивой. С одной стороны, они признавали право народа на сопротивление угнетению и деспоту или тирану. Но с другой, они писали об этом абстрактно, уточняя, что свержение монарха-деспота – нормальная ситуация для восточных стран, но французам возможную проблему тирании следует решать другими путями. Таким образом, французские просветители теоретически признавая право на сопротивление угнетению и тирании, находились всё же на охранительных позициях. Но их идеи ключевым образом повлияли на политико-правовую мысль Французской революции.

Ключевые слова: Просвещение, право на сопротивление угнетению, «Энциклопедия», просветители, Ж.-Ж. Руссо, Г.Б. Мабли

THE FORMATION OF AN IDEA OF THE RIGHT TO RESIST AGAINST OPPRESSION AND TYRANNY IN THE FRENCH ENLIGHTENMENT

Prikhodko A.V., Shlyakhov M.Y.

*Nizhny Novgorod State Pedagogical University n.a. K. Minina, Nizhny Novgorod,
e-mail: mik-shlyakhov@yandex.ru, r-tempri@mail.ru*

We have done the analysis of views of the XVIII century French enlighteners about the idea of resistance to oppression and tyranny (right of revolution). It is shown that one of the most important ideas of the epoch is the idea that the power of the monarch cannot be unlimited. The enlighteners thought that «true» monarch should respect the basic (natural) and civil (positive) laws of the country, the rights of its citizens and their property. It is distinction the «true» monarch from a despot of a tyrant who tramples all this. The enlighteners believed that citizens had the right to rebel against despots and tyrants. This idea was based on the theory of the social contract. If a ruler-monarch breaks the social contract (oppresses citizens, violates their rights and does not respect their right of property), then people have the right to rise up against it. However, the thought of the French enlighteners was contradictory. On the one hand, they allowed resisting against oppression and a despot or a tyrant. But on the other hand, they wrote about it in the abstract, specifying that an overthrow of a despotic monarch is a normal situation for the eastern countries. But the French should fix a possible problem of tyranny in other ways. Thus, the French enlighteners theoretically recognizing the right to resist oppression and tyranny, were on the conservative position. But their ideas had a key impact on the political and legal thought of the French revolution.

Keywords: the Enlightenment, right of revolution, «Encyclopedie», the enlighteners, J.-J. Rousseau, G.B. Mably

Восемнадцатый век, век Просвещения и Французской революции, подарил европейской политико-правовой мысли много нового, существенно обогатив её. Современный исследователь творчества Жан-Жака Руссо справедливо пишет, что «привычные для современной теории государства и права институты – референдум, законодательная инициатива граждан, общественный контроль над государственными органами – во все не были нормой в XVIII веке, поэтому сама разработка Руссо и другими мыслителями их модели, даже с учётом того, что их не воплотили в жизнь, была революционной» [2, с. 96]. Одной из важнейших по-

литико-правовых идей эпохи Просвещения была идея о праве народа на сопротивление угнетению и тирании. Она получила в XVIII веке дальнейшее развитие, унаследовав многое от соответствующих идей голландских и английских мыслителей XVII столетия. Для Европы XVII-XVIII веков, в которой угроза неограниченной власти и тирании монарха была вполне реальна, разработка идеи, обеспечивающей защиту подданных от возможного притеснения, была важным шагом, свидетельствующем о глубоком сдвиге в политике-правовой мысли. Неслучайно поэтому в современном зарубежном историческом словаре по эпохе Просвещения автор

статьи «Политика» пишет, что «главной для просвещённой политической мысли стала проблема деспотизма и того, как следует реагировать на угрозу его возникновения» [3, с. 130]. Французские просветители XVIII века не были «первооткрывателями» идеи о праве на сопротивление угнетению и тирании. Эта идея высказывалась ещё в трудах французских мыслителей XVI-XVII вв. (Ж. Боден, Ж.-Б. Боссюэ и др.), а также в трудах англичан (Дж. Локк) и голландцев того же времени. Однако именно французское Просвещение XVIII в. окончательно сформировало данную идею, что ключевым образом повлияло на политико-правовую мысль революции.

Цель нашей работы состоит в том, чтобы рассмотреть точки зрения некоторых известных французских просветителей на означенную нами идею и выделить в них общее. Источниками исследования послужили статьи «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, а также работы Ж.-Ж. Руссо и Г.Б. Мабли.

Для начала обратимся к «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, к этому, без сомнения, великому труду, впервые обосновавшему права человека [1, с. 5-41]. Её статьи помогут нам лучше понять общий политико-правовой дискурс просветителей. Одна из наиболее важных политических идей французского Просвещения заключалась в том, что власть монарха не может быть безграничной, т.е. такой, которой позволено безнаказанно угнетать своих подданных. «Не государство принадлежит государю, а государь – государству», – пишет Дидро в статье «Политическая власть» [10, с. 436]. Власть государей имеет вполне определённую земную цель, которая никоим образом не состоит в том, чтобы удовлетворять прихоти лишь одного человека – самого монарха. Их цель – счастье подданных и их безопасность [10, с. 159, 434, 586]. Поэтому королевская власть отнюдь не безгранична [10, с. 159-160, 435, 572]. Просветители предусматривали для неё довольно серьёзные ограничения: «Ни один государь, – пишет Жокур в статье «Государя», – сколь бы он ни был абсолютным, не имеет права затронуть основные законы государства, равно как и его религию. Он не может нарушить форму правления и изменить порядок наследования иначе как с формально-го дозволения своей нации. Более того, он всегда подчиняется законам справедливости и разума, от которых не может отрешиться ни один человек». В то же время, «Когда абсолютный государь присваивает себе право самовольно изменять основные законы своей страны, когда он притязает на произволь-

ную власть над гражданами своей страны и над их имуществом, он становится деспотом. Ни один народ не мог и не хотел предоставлять такую власть своим государям. Если бы это случилось, его природа и разум всегда восстанавливали бы своё право протестовать против насилия», – заключает Жокур [10, с. 160]. Эти аргументы хорошо характеризуют политико-правовой дискурс Просвещения, описывая отношения народов и их государей в рамках теории общественного договора. Народ, таким образом, по мнению просветителей, имеет право расторгнуть общественный договор, если государь нарушает права подданных.

Просветители чётко различали «здоровую» форму монархии и её «порочные» формы: деспотию и тиранию. Их различие состояло в том, что «истинный» монарх уважает основные (естественные) и гражданские (позитивные) законы своей страны, права и свободы своих подданных и их собственность, в то время как деспот или тиран попирает всё это. При деспотии все люди равны в том плане, что они все неравны, они все – рабы. Там нет просвещения и образования, нет законов, защищающих частную собственность, т.к. всё принадлежит деспоту, права людей там также отсутствуют. Но минус такого правления очевиден – оно не прочно. «Деспоты не только не могут быть уверены в сохранении за собой трона, они очень близки к его утрате; не будучи уверены даже в своей жизни, они находятся под угрозой, что она кончится такой же жестокой трагедией, как и их царствование. Нередко тело султана рвут на куски, ещё меньше с ним церемонясь, чем с телами преступника из черни. Если бы власть деспотов была меньшей, возросла бы их безопасность». Поэтому энциклопедисты пытались доказать, что «деспотизм, всегда и везде равно вреден и государям, и народам, ибо его принцип и последствия всюду одинаковы» и что «человеческая натура всегда возмущается против такого рода правления, делающего несчастными и государя, и подданных», – пишет Жокур [10, с. 173-174].

Интересно отметить, что «Энциклопедия» разграничивала не только монархию с деспотией и тиранией, но и две последние. Главное различие между ними состоит в том, что «деспотия» существовала и существует лишь в восточных странах, в то время как «тирания» может иметь место и в европейском мире. Однако по своим характеристикам они весьма схожи. Тиран также «признаёт лишь те законы, которые издаёт сам», а своих подданных считает презренными рабами, с которыми можно делать всё что угодно. Но минус такого правле-

ния также очевиден – оно непрочное: «Объявив, так сказать, войну своим подданным, тиран вынужден постоянно опасаться за свою жизнь». «Если мир и знает несколько счастливых тиранов, мирно наслаждавшихся плодами своих злодеяний, то таких примеров немного, и нет ничего удивительнее в истории, нежели тиран, умирающий на своей постели», – констатирует Жокур [10, с. 583]. Таким образом, тирания не уважает законы, она основывается на силе и поэтому «представляет собой самый грубый и ужасный образ правления». Встаёт вопрос – может ли народ сбросить с себя это иго? Позиция Жокура двойственна. Он предлагает различать «крайнее злоупотребление суверенитетом, которое явно и открыто вырождается в тиранию и приведёт к гибели подданных, от злоупотребления умеренного...

В первом случае народы обладают полным правом взять обратно высшую власть, доверенную ими своим руководителям, которые чрезвычайно ею злоупотребляют.

Во втором случае безусловная обязанность народа состоит скорее в том, чтобы вытерпеть некоторые вещи, нежели в применении силы против своего государя», – пишет Жокур. Поэтому, заключает он, «Справедливо выносить терпимые промахи государей и их мелкие несправедливости, ибо это является справедливой поддержкой, оказываемой в силу гуманности; но как только тирания становится чрезвычайной, подданные вправе лишиться тирана священного сокровища власти» [10, с. 584-586].

Итак, «Энциклопедия», ни в коей мере не призывавшая народ к восстанию, говорит о восстании народа против жестоких, несправедливых и безграничных своей властью государей как о чём-то вполне само собой разумеющемся, закономерном и естественном. Справедливости ради стоит отметить, что в силу цензурных соображений энциклопедисты должны были смягчать свои рассуждения о королевской власти во Франции. Поэтому Дидро в уже упоминавшийся нами статье «Политическая власть» пишет, что если французам когда-нибудь «случится иметь короля несправедливого, властолюбивого и жестокого, то единственным лекарством от такого зла было бы умиротворить его путём подчинения и смягчить его молитвами Богу. Ибо это единственное законное средство вследствие договора о подчинении, принятого под присягой ранее царствовавшему государю и всем его потомкам мужского рода, каковы бы они ни были. Следует также рассудить, что все возможные причины сопротивления оказываются при внимательном изучении искусно перекрашившимся вероломством и предлогом; при

таком поведении невозможно ни исправить государей, ни уничтожить налоги, а можно лишь добавить к тем бедам, на которые уже жалуются, ещё новую беду нищеты» [10, с. 439-440]. Таким образом, «Энциклопедия» отражает двойственную и противоречивую позицию по данному вопросу: то что приемлемо и законно для восточных деспотов, неприемлемо для королевской Франции.

Важную роль в развитии интересующей нас идеи сыграл и автор «Общественного договора», Жан-Жак Руссо. Уже в «Рассуждении о происхождении неравенства...» (1755 г.) он пишет, что «деспот остаётся повелителем лишь до тех пор, пока он сильнее всех; но как только люди оказываются в силах его изгнать, у него нет оснований жаловаться на насилие. Восстание, которое приводит к убийству или к свержению с престола законо-нибудь султана, это акт столь же закономерный, как и те акты, посредством которых он только что распоряжался жизнью и имуществом своих подданных. Одной только силой он держался, одна только сила его и низвергает». Поэтому такой акт вполне законен в глазах Руссо и деспот не должен жаловаться на такие действия, ведь он сам был всему виной: «Всё, таким образом, идёт своим естественным путём, и какова бы ни была развязка сих быстрых и частых переворотов, никто не может жаловаться на несправедливость других, но только на собственное своё неблагоприятное или на своё несчастье» [8, с. 96].

Обоснование Руссо права народа на восстание неразрывно связано с его главными политическими идеями – с учением об общественном договоре и «общей воле». Концепция Руссо исходит из того, что в естественном состоянии люди обладали полной самостоятельностью, свободой и возможностью делать всё что захотят. При переходе к состоянию общественному люди, объединяясь друг с другом, добровольно утрачивают «часть естественных прав ради гарантированного минимума, который обеспечивается правами общественными». «Это означает, – пишет Т.Б. Длугач, – известное ограничение свободы и самостоятельности, но, так как дело касается всех членов договора, никто не остаётся в убытке» [4, с. 285]. В общественном состоянии появляются должностные лица и государственные институты. Закрывая общественный договор, народ суверен передает правление или одному лицу-магистрату (монархия), или небольшому числу (аристократия), или онверяет правление всему народу или наибольшей его части (демократия) [7, с. 171]. Объединение в общественное состояние совершается путём передачи людьми своих абсо-

лютных естественных прав государству для того, чтобы получить равные со всеми права гражданские. Но в то же время, объединение людей совершается с целью обеспечения интересов каждого отдельного человека. Поэтому если возникает ситуация, когда народ притесняется или нарушаются его права, то он вправе и даже должен расторгнуть общественный договор, ведь принципы последнего искажаются [4, с. 285]. Таким образом, если правительство забывает свои обязанности должностного лица, если оно попирает права граждан, если оно не уважает их право собственности, если его власть всё больше клонится к тирании, то народ имеет полное право восстать против такого правительства, т.е. аннулировать с ним общественный договор.

Необходимо отметить, что Руссо рассматривает восстание лишь как крайнюю меру: «народ в любой момент сможет при желании изменить всё в том ключе, который ему будет наилучшим образом подходить. При всём при этом автор и сам понимает, сколь сложно отличить действительно всеобщее народное волнение от вооружённого мятежа или заговора узкого круга лиц», – пишет он [6, с. 159]. Поэтому для него, как отмечает Т.Б. Длугач, «революция не цель и даже не средство, а, скорее, своеобразное отступление от правил общественного договора, коль скоро они уже нарушены. Само по себе насильственное ниспровержение правительства – обоюдоострое оружие, прибегать к которому допустимо, и то с большим риском, только в течении очень короткого времени и лишь в том случае, если государство становится деспотическим. Ибо с этой минуты не может быть больше речи ни о нравственности, ни о добродетели» [4, с. 283]. Таким образом, Руссо ни в коей мере нельзя считать проповедником революции, хотя его политические идеи и получили огромную популярность во время неё.

Наиболее полно и последовательно из всех просветителей идею о праве народа на сопротивление угнетению и тирании обосновал Габриэль Бонно де Мабли в своей известной работе «О правах и обязанностях гражданина», написанной в 1758 г., но изданной (по цензурным соображениям) лишь накануне революции в 1789 г. В этом сочинении мыслитель отстаивает идею о том, что гражданские войны иногда бывают «великим благом» для государства в случае, если существуют тирания и угнетение. «Гражданская война – это зло потому, что она противоречит безопасности и счастью, к которым люди стремились при образовании общества, и потому, что она губит множество граждан. Гражданская война – это

зло, подобно тому, как ампутация руки или ноги является злом потому, что противоречит организации нашего тела и причиняет мне жгучую боль. Но когда у меня гангрена руки или ноги, это ампутация – благо. Итак, гражданская война является благом, когда общество без помощи этой операции подвергается гибели от гангрены и, говоря без метафор, подвергается риску погибнуть от деспотизма» [5, с. 266]. Мабли чётко различает два вида гражданских войн. Первый – такая гражданская война, которая является злом и «вызывается анархией, т.е. когда граждане, лишённые нравственных устоев, не знающие своих прав и обязанностей, презирают и ненавидят в равной мере как законы, так и их исполнителей. ... Это уже не та операция, которая может восстановить здоровье», т.к. «организм» уже смертельно болен. Пример такой негативной гражданской войны: войны Цезаря, Помпея, Октавия и Антония, в результате которых место «несуществующих больше законов» занял «властелин». Такая гражданская война привела лишь к тирании. Но есть и второй вид гражданских войн: это такие, которые «зажигают любовь к родине, уважение к законам и вызывают справедливую защиту прав и свобод нации». Пример такой благостной гражданской войны – Нидерландская революция, в результате которой голландцы завоевали себе свободу, освободившись от владычества Филиппа II [5, с. 267-268].

Мабли высказывает явное одобрение к подобным гражданским войнам, ведь они не дают народу «уснуть» и одряхлеть под цепями тирании. «Если гражданская война и причиняет больше бед, то ведь это беды, по крайней мере, преходящие, и, встряхивая душу, они вселяют в неё бодрость, необходимую для того, чтобы их перенести. ... Если среди смут граждане не всегда становятся лучше, то, по крайней мере, множатся таланты, повышается просвещённость, а души обретают известную гордость», – пишет Мабли [5, с. 270]. Поэтому «Добродетельный гражданин вправе вести гражданскую войну, если существует тирания, т.е. правители, имеющие притязания пользоваться властью, которая может и должна принадлежать только законам, и притом властью настолько сильной, чтобы угнетать своих подданных. Считать гражданскую войну всегда несправедливостью, призывать граждан не отвечать силой на насилие – это доктрина, более всего противоречащая нравственности и общественному благу. ... Обречь подданных на постоянное и низменное терпение – это значит довести королей до тирании и расчистить им путь к ней», – заключает мыслитель [5, с. 273-274].

Несомненно, это рассуждение было одним из наиболее смелых в эпоху Просвещения. Однако эти доводы в пользу благотворности гражданской войны вовсе не означают, что Мабли призывал к ней Францию. Французы наоборот, по его мнению, не готовы к ней: «Вы же, французы, простите меня, вы погибли бы в гражданской войне; вам следовало бы готовиться к ней длительным режимом, принимать подкрепляющие лекарства, употреблять крепкие напитки, одним словом, укреплять ваш темперамент. ... Вы слишком мало знаете, на что вам надеяться и чего вам бояться, для того, чтобы гражданская война не стала для вас величайшим злом» [5, с. 268]. По мнению Мабли, во Франции нет необходимости в таком крайнем средстве, ведь реформы могут быть осуществлены в ней мирным путём через особые институты. Мыслитель призывал Парижский парламент потребовать созыва Генеральных штатов. Они смогут, по его мнению, преобразовать себя в народное представительство чтобы затем выработать конституцию и пересмотреть отношения между нацией и королём. Таким образом, сочувствие у Мабли к гражданской войне остаётся только теоретическим [9, с. 247-249].

Таким образом, просветители чётко разделяли «здоровую» монархию от её порочных форм: деспотии и тирании. «Истинный» монарх, по мнению просветителей, должен уважать основные (естественные) и гражданские (позитивные) законы своей страны, права своих подданных, а также их собственность. Это отличает «истинного» монарха от деспота и тирана, которые попирают всё это. Просветители считали, что подданные имеют право восставать против деспотов и тиранов. В этом вопросе они, как правило, основывались на теории общественного договора. Если правитель-монарх попирает общественный договор (угнетает подданных, нарушает их права и не уважает их право собственности), то народ имеет право вос-

стать против него. Однако мысль просветителей была противоречивой. С одной стороны, они признавали право народа на сопротивление угнетению и деспоту или тирану. Но с другой, они писали об этом абстрактно, уточняя, что свержение монарха-деспота – нормальная ситуация для восточных стран, но французам возможную проблему тирании следует решать другими путями. Таким образом, французские просветители теоретически признавая право на сопротивление угнетению и тирании, находились всё же на охранительных позициях. Однако своими политико-правовыми теориями они идейно подготовили революцию, хотя почти все они призывали не к революции, а к реформам.

Список литературы

1. Богуславский В.М. Великий труд, впервые обосновавший права человека // *Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / Ин-т философии.* – М.: Наука, 1994. С. 5-41.
2. Бочков И.И. Основания политического организма в учении Ж.-Ж. Руссо // *Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И. А. Исаев.* СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. С. 96-115.
3. Вальдес Х.М.П. Политика // *Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. Винченцо Ферроне и Даниеля Роша / Пер. с итал. Н.Ю. Плавинской под ред. С.Я. Карпа.* М.: Памятники исторической мысли, 2003. С. 128-141.
4. Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла, или Рождение идеи суверенной личности (Гольбах, Гельвеций, Руссо). – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2008. – 336 с.
5. Мабли Г. Избранные произведения. Пер. с франц. и коммент. Ф. Б. Шуваевой. Вступит. Статья В. П. Волгина. – М. – Л.: Академия Наук СССР, 1950. – 340 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты: пер. с фр. М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. 416 с.
7. Руссо Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И. А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2013. – 640 с.
8. Руссо Ж.-Ж. Трактаты. Подгот. В.С. Алексеев-Попов, Ю.М. Лотман, Н.А. Полторацкий, А.Д. Хаютин. Коммент. В.С. Алексеева-Попова и Л.В. Борщевского. – М.: Наука, 1969. – 703 с.
9. Сафронов С.С. Политические и социальные идеи Мабли // *Из истории социально-политических идей.* М., 1955. С. 238-264.
10. Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера / *Ин-т философии.* – М.: Наука, 1994. – 720 с.